

Алексей Балакин
(Санкт-Петербург)

НЕНАПИСАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ А. Ф. КОНИ О ГОНЧАРОВЕ: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье приводятся новые данные о взаимоотношении И. А. Гончарова с юристом А. Ф. Кони. Публикуется ранний план воспоминаний Кони о Гончарове и делается попытка на основании других текстов (мемуары, переписка, воспоминания) реконструировать этот невоплощенный замысел.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, А. Ф. Кони, мемуары, реконструкция.

The article introduces new facts about the relationship between I. A. Goncharov and the lawyer A. F. Koni. The author publishes Koni's early plan of recollections about Goncharov and attempts to reconstruct this unembodied project basing on other texts (memoirs, correspondence, and recollections).

Keywords: I. A. Goncharov, A. F. Kony, memoires, re-construction.

Заголовок настоящего сообщения требует специально-го пояснения. Если открыть сборник «И. А. Гончаров в воспоминаниях современников», то на почетном последнем месте можно увидеть очерк Кони «Иван Александрович Гончаров». Впервые опубликованный в конце 1911 г., этот очерк многократно переиздавался как в книгах самого Кони, так и в различных сборниках статей о Гончарове, и справедливо считается одним из лучших в небогатой мемуарной литературе об авторе «Обломова». В предисловии к упомянутому сборнику воспоминаний о Гончарове А. Д. Алексеев писал: «Помимо высоких художественных достоинств, исключительно тепло написанный очерк А. Ф. Кони отличается психологической глубиной и всесторонним охватом личности Гончарова как писателя и человека» [1; 12]. Исследователю вторят В. И. Мельник и Т. И. Орнатская в предисловии к публикации писем Гончарова к Кони: «Среди мемуарной литературы о Гончарове воспоминания Кони, пожа-

луй, одни из наиболее интересных и содержательных» [5; 437]. С этими словами нельзя не согласиться. Но все же по сравнению с другими мемуарными очерками Кони (о Тургеневе, Некрасове, Достоевском), значительными по объему и богатыми мелкими, но подчас весьма характерными деталями, его очерк о Гончарове написан в совершенной иной манере. Строго говоря, это не мемуары, а литературный этюд, анализирующий основные мотивы и характер творчества Гончарова, с гомеопатическими вкраплениями личных воспоминаний. Даже сам Кони не относил его к мемуарам: формируя второй том своей книги «На жизненном пути» (СПб., 1912), он включил его не в раздел «Из воспоминаний», а в раздел «Публичные чтения», где собрал речи и статьи, имеющий гораздо более официальный характер. Многолетний друг Гончарова, Кони не счел нужным поделиться житейскими воспоминаниями о нем, рассказать о многочисленных беседах со знаменитым писателем, почти не упомянул о его личной жизни, бедах и заботах — подобно тому, как он рассказал о людях, с которыми был гораздо менее близок.

Это тем более удивительно, что к созданию подробного мемуарного очерка Кони готовился долго и тщательно. Свидетельства тому остались в его архиве. В одной из папок хранятся многочисленные материалы для несостоявшимся мемуаров: выписки из романов и статей Гончарова, конспекты его писем, фрагментарные записи и наброски, некоторые из которых нам уже приходилось публиковать [см.: 2, 3]. И вот среди этих набросков есть план мемуарного очерка о Гончарове [ИРЛИ, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 47, л. 85], который свидетельствует о том, что первоначально Кони собирался писать его совершенно в иной манере. Более того, судя по характеру рукописи, этот очерк должен был составить часть книги или цикла мемуаров о писателях (подобному знаменитому циклу «Тургенев. — Достоевский. — Некрасов. — Апухтин. — Писемский»), поскольку соседствует с планами статей о Некрасове и Тургеневе и имеет номер «VII».

Можно попытаться определить приблизительную дату создания этого текста. Здесь приходит на помощь переписка Кони с историком литературы Е. А. Ляцким, который изучал биографию и творчество Гончарова.

27 ноября 1903 г. Ляцкий обратился к Кони с просьбой о встрече для беседы о писателе: «Дело в том, что теперь заходит речь об издании моих старых и последних статей о Гончарове в виде отдельной книги, и мне было бы в высшей степени же-

лательно поговорить с Вами в этом направлении» [7, л. 1об.]. Кони ответил согласием, что стало началом активного сотрудничества двух неравнодушных к автору «Обломова» людей. Кони знакомил Ляцкого с письмами Гончарова, а Ляцкий уговаривал его приняться за воспоминания о писателе: «Право, Анатолий Федорович, сделайте это — не для себя, для Ив<ана> Ал<ександровича>, для Вест<ника> Европы и для всей России» [7, л. 6; письмо от 18 декабря 1906 г.].

Кони передавал Ляцкому письма Гончарова на протяжении всего 1905 года. 19 мая он писал: «Я нашел у себя еще два прилагаемых письма И. А. Гончарова — одно, касающееся моего назначения Обер-Прокурором после долгих лет опалы и вынужденного пребывания в несвойственной мне сфере гражданского суда, вызванных тем, что по известному делу Засулич — я был *слугою* правосудия вместо того, чтобы быть *лакеем* правосудия; — и другое, в ответ на посланную ему книгу мою “Судебные речи” в первом ее издании. оба письма характерны — и очень мне дороги» [10, л. 5–5об.] — здесь упомянуты гончаровские письма от 2 января 1885 г. и от 25 апреля 1888 г. «Сердечно благодарю Вас за сообщение писем Гончарова, переданных мне вчера Михаилом Матвеевичем <Стасюлевичем>, — отвечал Ляцкий 22 мая. — Они драгоценны вдвойне — и по отношению к автору, и по отношению к корреспонденту, и я читал их с чувством бережного и застенчивого умиления... Я присоединю их к полученной ранее пачке <...> и отдам в переплет, со всяческими гарантиями их сохранности. Я уже начал делать из них незначительные выписки, которые, вместе с экземпляром писем, представлю на Ваше усмотрение. Буду очень счастлив, если это послужит для Вас хотя слабым поводом приступить к выполнению Вашего прекрасного намерения написать воспоминания о Гончарове» [8, л. 1–1об.]. Еще два гончаровских письма Кони отправил Ляцкому 19 сентября: «Посылаю Вам еще два письма И. А. Г. Одно имеет характер так сказать хронологический, а другое написано по поводу представленной мною Записки о вредном направлении судебно-административных органов в борьбе с политическим движением, представленной Александру III, тогда еще наследнику. Если сама записка Вас интересует, я могу дать ее Вам прочесть. Письмо очень интересно — это своего рода микрокосм душевного строя Гончарова» [10, л. 14об.—14.], — первое из упомянутых писем идентифицировать невозможно, второе — от 19 августа 1880 г.

В октябре переплет был уже готов, и Ляцкий передал его Кони. 13 октября последний писал: «Простите, что до сих пор не поблагодарил Вас за Ваш милый и изящный подарок, в виде переплетенных писем И.А. Гончарова и за сопровождавшие его строчки. <...> Книжечка с письмами Гончарова чрезвычайно “вкусна”. Надеюсь, что Вы из нее извлекли, со свойственным Вам умением, любовью и талантом весь мед¹. Вошло ли в нее последнее письмо И. А. Г., препровожденное мною Вам чрез Михаила Матвеевича?» [10, л. 7–7об.] Ляцкий ответил в тот же день: «Ваш вопрос относительно последнего письма (вернее 2-х) Гончарова возбуждают во мне сомнения, получили ли Вы мое письмо, где я благодарю Вас за их сообщение. Они не успели попасть в переплет, но в нем, т.е. в альбоме Гончаровских писем, оставлено нарочно место — для перемещений и дополнений. Так как и то и другое может сделать только опытный мастер, то я еще раз попрошу у Вас как-нибудь на 2–3 дня этот альбом и возвращу уже в настоящем виде, тем более, что там в конце помещена группа писем без дат, и размещение их

---

¹ К слову сказать, гончаровскими письмами к Кони Ляцкий не воспользовался, мотивировав впоследствии это так: «Заметим попутно, что многое из переписки Гончарова с ближайшими к нему лицами нам было известно еще до появления первого издания нашей книги. Мы не считали возможным пользоваться письмами по разным соображениям, из которых первым являлся писательский запрет, в то время еще никем не оспоренный, не подвергнутый сомнению в смысле его обязательности при том или ином толковании. Письма эти, при всем их безотносительном интересе, имели для нас второстепенное, узко-биографическое значение. Они, несомненно, увеличивали количество подлинных гончаровских документов, но качественно, по существу, вносили мало новых черт в понимание Гончарова не только как художника, но и как человека. Склад гончаровской личности — строй его мыслей и чувств — сказался в письмах гораздо бледнее, чем в его сочинениях, и тот высокий лиризм, который одухотворял лучшие страницы его романов, ни в одном из известных нам писем не поднялся над уровнем приветливой доброты старика, недовольного всем миром, и только для ближайших друзей сберегающего маленький оазис в своей душе. В письмах своих, капризных по тону, то меланхолических и ворчливых, то светски любезных и остроумных, Гончаров был не более субъективен (или объективен, по терминологии старой критики), чем в своих романах; нигде не показались нам они тою исповедью души, которая знаменует собой горячее и непосредственное излияние переполнившего душу чувства. Каждое из них производило на нас впечатление скорее художественного произведения по своей законченности и красивой меткости выражения, чем невольного отражения души, чем отблеска мысли, не отточенной размышлением и навыком» [6; 55–56].

возможно лишь по Вашим указаниям» [8, л. 6–60б.]. И сейчас большинство писем Гончарова к Кони находятся в этом переплете, где они расположены в хронологическом порядке [ИРЛИ, № 4909]. Однако, Кони передал Ляцкому не все письма: возможно, какие-то он вовремя не нашел в своих бумагах, а другие были им переданы на память близким людям: к настоящему моменту известно 7 писем Гончарова к Кони, которых нет в «переплете Ляцкого».

Письма Гончарова к Кони перечитывались адресатом: на полях делались отчеркивания, некоторые письма нумеровались — очевидно, Кони подбирал материал для мемуарного очерка. Но нумерация расположена не в порядке хронологии писем: из этого можно сделать вывод, что они просматривались еще до того, как были переплетены и расположены в хронологическом порядке — иначе было бы невозможно допустить сбой в нумерации. Следовательно, публикуемый ниже план мемуарного очерка был сделан до 1905 г.; возможно — после первого разговора Ляцкого с Кони в 1903 г. Отметим также, что письма за № № 2, 3, 13 отсутствуют в «переплете Ляцкого» (поэтому возможны самые неожиданные находки), а № 8 проставлен на двух письмах.

Так почему же воспоминания о Гончарове не вылились из-под пера Кони в таком виде, как он их задумывал? Кажется, причиной тому стало то, что именно в 1911 г. Кони разочаровался в личности покойного друга, испытал к нему резкое охлаждение. Вот что писал он великому князю Константину Константиновичу 10 апреля того же года: «Я воспользовался несколькими днями сравнительной свободы <...>, чтобы заняться нашим другом Гончаровым и перечитать его огромную переписку с М. М. Стасюлевичем и семейством академика Никитенко, предоставленную в полное мое распоряжение. Не скрою, что я вынес из этой работы крайне тягостное впечатление, омрачающее образ Ивана Александровича во многих отношениях. Мне больно было читать эти мелко исписанные страницы, развертывающие картину крайнего, почти чудовищного самолюбия, зависти, чревоугодничества и эгоизма, картину недружелюбия к людям (главным образом к Тургеневу), доходящего до галлюцинаций, до мании преследования, до настоящей клинической картины безумия. Я искал чего-либо положительного для будущих “поминок” о нем — и нашел *одно* отрицательное, о котором, конечно, в его настоящем виде, и помину быть не может. Остается l’oeuvre <творчество> — и надо осторожно обойти l’homme <человека>. А так хотелось бы, чтобы оба они были в гармоническом сочетании!» [4; 425]

По сути, в своем опубликованном очерке о Гончарове Кони исполняет программу, заявленную в этом письме: говорит в основном о характере его творчества и очень мало — о человеке. Отметим также, что Кони цитирует только одно письмо писателя к себе (№ 14 по его нумерации, от 30 июня 1886 г.), хотя обильно приводит фрагменты из еще неопубликованных к тому времени писем и к Стасюлевичу, и к С. А. Никитенко, и к великому князю Константину Константиновичу. Почти нет в нем и тех любопытных мелочей, о которых Кони собирался рассказать поначалу, почти не слышен гончаровский голос. Но все же мне кажется, что эти ненаписанные воспоминания можно попытаться реконструировать, подобно тому, как палеонтологи по отдельным разбросанным костям воссоздают скелеты давно вымерших животных.

Ниже печатается план очерка Кони, вслед за ним — фрагменты из статей, мемуаров, писем¹, по которым можно хоть отчасти восстановить его предполагавшийся текст. Упомянутые имена не аннотируются.

Список литературы и источников

1. *Алексеев А. Д.* И. А. Гончаров в воспоминаниях современников // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969.
2. *Балакин А. Ю.* Одним летом в Гунгербурге: (К творческой истории очерка И. А. Гончарова «На родине») // Седьмая международная летняя школа по русской литературе: Сб. статей. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. 2012.
3. *Балакин А. Ю.* Неизвестные страницы воспоминаний А. Ф. Кони о Гончарове // Русская литература. 2012. № 2.
4. И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка / Сост., подгот. текста и коммент Е. К. Демиховской и О. А. Демиховской. Псков, 1997.
5. Литературное наследство. М., 2000. Т. 102.
6. *Ляцкий Е. А.* Гончаров: Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. СПб., 1912.
7. *Ляцкий Е. А.* Письма к А. Ф. Кони // ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1003.
8. *Ляцкий Е. А.* Письма к А. Ф. Кони // ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 62.
9. *Кони А. Ф.* Материалы для мемуаров о Л. Н. Толстом // ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 4.
10. *Кони А. Ф.* Письма к Е. А. Ляцкому // ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 247.

---

¹ Письма Гончарова к Кони цитируются по изд.: 5.

* * *

VII. Гончаров. Первое знакомство у отца. Отношение к отцу. Наружность.— Встречи в 1874 году. «Как кнутом бьет». Собачка (1872 г.) и потребность любви. Встреча у Стасюлевичей. Манера себя держать. Руки.— Возвращение вместе в Моховую. В этой улице — Ал<ександра> Ив<ановна> и дети. История их. Темные стороны в намеках Г<ончарова> на благодаяние. № 7 — сильнее.— Темные стороны А<лександр> И<вановны> — Дуббельн в 1883 г.— Любовь Гончарова к побережью. Дубб<ельн> 1880 г.— Заранние сборы.— Дача на Гончаровской улице. День — прогулки, церковь. Общее уважение. Чрезвычайная подозрительность и щепетильность. № 8. № 12. № 14. Малое число любимых людей (Посьет, В<еликий> К<нязь> К<онстантин> К<онстантинович>, Стасюл<евич> и я) и ненависть к Г<ригоровичу> и Т<ургеневу> — (не читал Достоевского). «Чичас, чичас!» Весть о † Тургенева. Предл<ожение> издать свои сочинения. № 15.— † Тург<енева> действует успокоительно. № 9. Мое письмо. Царедворческое направление. № 11. Боязнь юбилея. История завещания (Ал<ександра> Ив<ановна> «вдова велик<ого> писателя»,— Полотебнов, деньги С. А. Никитенко. Демократич<еское> равенство на счет бедной труженицы). Усть-Нарва. Чтение сочинений. № 2, 3, 4. № 5, 6. Последние дни. № 8. Отрывки из писем. Боязнь судьбы. Слова Пушкина. № 1 — № 10. Житейск<ая> философия. № 16 (женщины). Взгляд на деятельность. № 17.

На полях:

Рассказы из «Фрег<ата> “Паллады”».

Сложная личность. И трагическая.

Закат солнца, воспом<инание> о Пушкине.

* * *

Первое знакомство у отца.— Гончарова «я видел и слышал в первый раз еще вскоре по возвращении его из кругосветного плавания» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 279].

Наружность. <...> Манера себя держать. Руки.— «Гончаров, спокойный и уравновешенный, с несколько флегматическим видом, напоминал собой мудреца, давно познавшего жизнь и усталым взором следящего со стороны за ее шумным и подчас бурным

потоком. Не возвышая голоса и не волнуясь, вел он беседу, отчетливо рисуя в художественных образах то и тех, о чем и о ком он говорил. Облокотившись на стол и подняв сложенные вместе красивые кисти рук, он увлекательно передавал не нашедшие себе места в печати воспоминания о своих странствиях или излагал свои взгляды на искусство и на разнородных его представителей. Благосклонное отношение к большинству встреченных на жизненном пути людей и, быть может, несколько презрительное снисхождение к недостаткам и слабостям их ярко выступали в его беседе, полной утонченной вежливости и любезности» [Кони А. Ф. «Вестник Европы» // Собр. соч. Т. 7. С. 233–234]; «...иное впечатление произвела речь Гончарова, напоминавшая картины Рубенса, написанные опытной в своей работе рукою, сочными и густыми красками, с одинаковою тщательностью изображающею и широкие очертания целого и мелкие подробности частных» » [Кони А. Ф. Лев Николаевич Толстой // Собр. соч. Т. 6. С. 470].

Встречи в 1874 году.— «В начале семидесятых годов я снова встретился с ним и, сойдясь довольно близко, пользовался его неизменным дружеским расположением в течение последних пятнадцати лет его жизни» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 279].

«Как кнутом бьет».— Гончаров — М. М. Стасюлевичу, 7 (19) июня 1868 г.: «Напрасно я ждал, чтоб кто-нибудь понял, успокоил, обласкал меня; напрасно обращался к женщинам — они не понимали этого и наносили беспощадные удары, не подозревая, что это все равно, что бить слепого или ребенка. От этих ударов и злого, грубого смеха у меня останутся неизгладимые следы» [М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 16]. Гончаров — Стасюлевичу, 19 (31) июля 1868 г.: «Что же я такое? А вот попробуйте угадать! <...> Тогда, в ярости, что ничего понять не можете, Вы хватаете, что попало — и как извозчик — бедную клячу, давай хлестать с плеча: “вот я, мол, тебе дам, вот я тебя — ты, должно быть, смеешься надо мной! Я тебя”. Изобьете, измучаете, а когда казните этого ребенка-женщину (т.е. меня), опутаете мои движения, не дадитедохнуть, загасите и ту силу, которой теперь восхищаетесь, т.е. талант — тогда спросите себя: “что это я наделал и зачем?”» [Там же. С. 40].

Собачка (1872 г.) и потребность любви. — «Иногда у него за пазухой пальто сидит любимая им собачка» [Кони А. Ф. Петербург. Воспоминания старожила // Собр. соч. Т. 7. С. 38]. Со слов родственников Гончарова М. Ф. Суперанский писал, что «Мимишка — небольшая собачка, которую случайно у уличных мальчиков купил Виктор Михайлович <Кирмалов, племянник Гончарова> и подарил дяде. Тот очень к ней привязался, и когда она околела <...> — даже плакал» [Суперанский М. Ф. Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии // Вестник Европы. 1908. № 12. С. 432]. Гончаров — родственникам, 25 февраля 1863 г.: «Мимишка здравствует и каждый день гуляет со мной по саду, а когда не возьму, то воеет на всю квартиру. <...> Я ей купил золотой с бахромой ошейник» [Там же. С. 431–432, с неверной датой]; им же, 22 апреля 1863 г.: «... если Мимишка сильно захворает, я думаю, в тот день и газета «Северная почта», редактором которой был Гончаров» не выйдет, а если бы она околела, я все продам и уеду за границу...» [Там же. С. 432, с неверной датой].

Ср. в воспоминаниях Р. М. Сементковского: «Я забыл упомянуть, что Гончаров приводил к Лъховским неизменно свою собачку. Это был не то мохнатый пинчер, не то шпиц (я плохо тогда различал породы собак), во всяком случае, собака небольшая, мохнатая, чистенькая, с умными глазами. Она ни на шаг не отходила от своего хозяина, стояла около него, когда он стоял, ложилась, когда он садился, свертывалась калачиком, когда он вел продолжительную беседу; в кабинете у Лъховского, когда дверь открывалась, я видел ее всегда мирно спавшую у ног своего хозяина, в гостиной она всегда была начеку, хотя признаков какого-нибудь беспокойства никогда не проявляла.

Когда Гончаров в это воскресенье вошел в гостиную, Елизавета Тимофеевна, лукаво взглянув на него исподлобья, спросила:

— Ой, не пора ли? Ведь и опоздать можно.

Разговор, очевидно, касался темы, уже раньше между ними затронутой.

Улыбка, игравшая на подбородке Гончарова, исчезла, красивые его глаза стали печальными.

— Давно опоздал, Елизавета Тимофеевна, — ответил он.

— Мне, как женщине, виднее, — возразила Лъховская, — но терять времени не следует.

Полицу Гончарова пробежала такая густая тень, что Елизавета Тимофеевна была озадачена — я это ясно видел, — а мне стало как-то жутко. Тень быстро сменилась печальной улыбкой, и Гончаров сказал, указывая на свою собачку:

— Вот верный друг! Он не изменит... не обидит» [И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 83–84].

Гончаров — М. М. Стасюлевичу, 18 февраля 1872 г.: «Вчера, 17 февраля, после непродолжительных, но тяжких страданий, в 7¼ часов по полудни, кончил жизнь прекрасный, нежно любимый мною и любивший меня друг, *Миха Трезорвна*. Извещая об этом <...>, надеюсь, что Вы поймете всю тяжесть постигшей меня потери и вместе со мною оплачете мое горе. <...> О *Миха*! Ее уже нет! Вот одно что наполняет теперь сердце!» [М. М. Стасюлевич и его современники. Т. 4. С. 114, 115].

...в *Моховую*. — «С половины восьмидесятых годов <...> он по целым неделям не выходил из своей мало уютной и темноватой квартиры на *Моховой*, в которой прожил тридцать лет» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 299].

В этой улице — Ал<ександра> Ив<ановна> Трейгунт и дети. История их. — «Многие из нас еще помнят, что у творца и живого воплощения *Обломова* в конце 60-х годов был слуга Т<рейгу>т, и что после его внезапной смерти Иван Александрович Гончаров, соболезнуя положению его вдовы с тремя малолетними детьми, оставил ее *служить* у себя, предоставив ей маленькое помещение через площадку лестницы своей квартиры, и заменил ею умершего ее мужа в домашнем услужении при своем маленьком хозяйстве старого холостяка. С годами, когда стали подрастать дети, сердце Ивана Александровича откликнулось на их чистую ласку, и он привязался к ним, и, особенно, к старшей девочке, глубоко и трогательно. Его заботам, просьбам, материальным жертвам, ходатайствам — письменным и словесным — эти дети были обязаны своим воспитанием и образованием в средних учебных заведениях, за чем он следил с исключительным вниманием. Возможность дать им средства, чтобы подышать чистым воздухом и укрепить свои силы где-нибудь на даче или на берегу моря сердечно радовала старика, которому в этом нередко помогали дочери его старого друга, А. В. Никитенко. Давно замкнувшись в своей маленькой квартире на *Моховой* и ограничив свой круг знакомых лишь немногими друзьями, Гончаров, не имея непосредственно-близких родственников и почти не выходя с более отдаленными, сроднился с мыслью об обеспечении любимым им *чужим* детям безбедного существования. С этой целью он оставил все свое, нажитое литературным трудом, состояние —

в размере около сорока тысяч рублей — сыну и двум дочерям — „находившегося у меня в услужении Курляндского уроженца Карла Т<рейгу>т и оставшейся на моем призрении вдове означенного Т<рейгу>т” (подлинные слова завещания), выделив последней, как матери этих детей, около шести тысяч рублей по понятным соображениям деликатности» [Стасюлевич М. М., Кони А. Ф. По поводу «Воспоминаний о И. А. Гончарове» // Вестник Европы. 1907. № 11. С. 435–436].

Темные стороны в намеках Г. на благоденствие. № 7 — синее. — № 7 — письмо от 2 сентября 1881 г., помета Кони синим карандашом: «Дуббельн»; отчеркнуты, в частности, следующие фрагменты: «Кстати о них <детях>. Они водворены в свои места: Саня <А. К. Трейгут> в гимназию, Старик-генерал <В. К. Трейгут> в свою школу. Он получил похвальный лист, за что мною произведена была ему выдача целого рубля. “Несу крест!” Вы правду сказали: и не знаю, сбуду ли его когда-нибудь, но мне бывает невыносимо тяжело в настоящем, а в будущем ничего не вижу, кроме Х<риста>?. Такие положения разрешаются, как гордиевы узлы — силою вещей, — а сознательного и обдуманного решения нет, ключа никак не подберешь! Больную женщину, и еще больную не какую-нибудь болезнью, которую назвать можно, а просто так называемым “неврозом” (*nevrosisme*), такую больную сбить некуда и нельзя, а отделить ее куда-нибудь и обставить себя другими лицами — нет средств; с детьми чужими возиться нехватает никаких сил и способов — и вот шею мне давит точно роковая петля! А еще хуже то, что если бы какая-нибудь благодетельная волшебница смогла избавить меня, взять у меня куда-нибудь все это с глаз долой — я заскучал бы и не знал, как и куда употребить свой досуг и силы: положение безвыходное!»

Темные стороны А<лександр> И<вановны> — Дуббельн в 1883 г. — «В 1883 году в Дуббельне в разгар лета, когда он так любил и умел наслаждаться скудными дарами северной природы, он внезапно заявил мне, что должен вернуться в пыльный и душный, раскаленный Петербург, потому что нервы его экономки <А. И. Трейгут> не выносят шума морского прибоя. На мое замечание, что в Рижском заливе ни о каком морском прибое и речи быть не может, а дача его находится в полуверсте от моря, и что лучше предложить ей уехать в Петербург, взявши, если хочет, и детей, результатом чего, без сомнения, будет излечение от капризной чуткости к несуществу-

ющему прибою, он грустно взглянул на меня и с дрожью в голосе сказал: “Я не могу этого сделать: а вдруг она увезет детей? Да я без Саши <А. К. Трейгут> так затоскую, что и недели на свете не проживу”. Пришлось припомнить любимое изречение Стасюлевича: ни одно доброе дело не остается без наказания — и прибегнуть к некоторым дипломатическим приемам, чтобы обеспечить бедному старику безмятежное пребывание на любимом им морском побережье» [Русская литература. 2012. № 2. С. 98]. О «дипломатических приемах» Кони рассказал впоследствии жене Ляцкого Вере Александровне; его рассказ сохранился в ее записи: «К словам “дипломатической хитрости” Анатолий Федорович добавлял:

Для этого, зная, когда Иван Александрович выходит из дому, я зашел к Трейгульт.

— Ну что, Александра Ивановна, как вы себя чувствуете здесь?

— Плохо, ваше превосходительство, плохо, думаем уезжать отсюда...

— Что же так?

— Нервы совсем расстроились, не переношу морского прибоя.

— Да вы дома все сидите, вам и скучно, оттого и кажется вам, что нервы у вас расстроены. Вы бы пошли гулять, развлекли бы себя немного, вот и почувствовали бы себя лучше...

Она замахала руками.

— Нет, куда же, положение мое странное: с Иваном Александровичем неудобно, а одна — как же я пойду?

— Да вот пойдемте со мной сейчас, одевайтесь, пойдем.

Она сразу не поверила.

— Ваше превосходительство, да разве вы пойдете со мной.

— Отчего же? С удовольствием, одевайтесь.

Она быстро нацепила на себя шляпку с лентами и перьями, и мы вышли. Я предложил ей руку, и мы совершили длинную прогулку по пляжу. Она была весела, говорила без умолку и вернулась домой в прекрасном настроении духа.

На следующий день сиюю дома, в Hôtel'e. Стук-стук-стук... Иван Александрович. Улыбается, сияет.

— Маг и волшебник, что вы сделали с Александрой Ивановной?

— Ничего особенного, прошелся с ней по пляжу, побеседовал. А что?

— Да она совсем преобразилась, и нервы поправились, и прибой не беспокоит, так что мы не собираемся уезжать из Дуббельна» [Там же. С. 101–102]

Дубб<ельн> 1880 г. — «Летом 1880 года в Дуббельне, за обедом, покойный И. А. Гончаров отдался своим студенческим воспоминаниям тридцатых годов...» [*Кони А. Ф. Из лет юности и старости // Собр. соч. Т. 7. С. 97*].

№ 8. — Письмо от 5 июля 1881 г.; отчеркнут текст: «Я, по обыкновению, страдаю скукой и нелюдимостью, чем и приобретаю себе, кажется, общее нерасположение: это всегда и везде. Блуждаю одиноко, а Вас, близкого и дорогого мне лица и спасителя от моего одиночества нет, я и хожу, уделяя встречным кому поклон, кому “пару слов” — и иду далее. Ходил раз пяток по взморью с Верой Петровной <Веденисовой>, но скоро увидел, что это не удовлетворяет ни ее, ни меня, и перестал. Словом, хоть пропадай».

№ 12. — Письмо от 11 января 1887 г., помета Кони: «Жизнь № 12»; отчеркнуто начало абзаца: «Еще маленькая просьба: завтра, в Татьянин день, Вы вероятно будете (если только здоровы) на Московск<ом> университетском обеде: по Вашей дружеской инициативе там упоминалось и мое имя и мне посылалась телеграмма. На этот раз, когда я так ослабел — я просил бы Вас (если бы Вы вспомнили, и другие тоже) не напоминать обо мне старым и молодым моим сотоварищам по университету — потому что и приятное волнение тревожит мои нервы, притом и выражение моей благодарности через газету затруднило бы меня».

№ 14. — Письмо от 30 июня 1886 г.; помета Кони: «Жизнь», отчеркнут текст: «Вы пишете, что “меня, будто, любят” — ах, нет: терпеть никто не может, и я это вполне заслуживаю своею нелюдимостью и нетерпимостью. А теперь, на 75-летнем возрасте — я окончательно стал старым брюзгой, почти как барон Вольф. Этот маленький, чем-то озлобленный старичок в одиночку бежит по лесу и притворяется, что голос пропал от бронхита, чтоб с ним не заговаривали. А я просто махаю знакомым рукой, иногда и палкой, чтоб шли прочь».

(*не читал Достоевского*) — Из воспоминаний Д. Н. Цертелева: «Он не любил встречаться с Достоевским, про которого говорил, что он не столько разговаривает, сколько вещает; сочинений его он почти никогда не читал, так как утверждал, что после них он по ночам кричит» [*И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 186*].

«*Чичас, чичас*» — Эти слова произносит персонаж повести Тургенева «Степной Король Лир» «некто Бычков, с молодых ногтей прозванный Сувениром и так уже оставшийся Сувениром для всех, даже для слуг, которые, правда, величали его Сувениром Тимофеичем». И далее: «Сувенир то и дело твердил: “Я вот, позвольте, я чичас, чичас”. — “Да что чичас?” — с досадой спросит его матушка. Он мгновенно откинет руки назад, струсит и лепечет: “Как прикажете-с!”» [Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 8. С. 165, 166]. «Степной король Лир» впервые был опубликован в журнале «Вестник Европы» (1870. № 10), и уже 5 ноября того же года Гончаров в письме к Н. Н. Теплову пишет: «Извините, я *чичас чичас* пойду в постель и попытаюсь заснуть: уже 7 часов утра» [И. А. Гончаров в кругу современников. С. 264]. Очевидно, в этом месте должен был быть рассказан следующий эпизод, который находим в воспоминаниях М. С. Королицкого о Кони: «... в другой раз, А. Ф. вошел в кабинет к Гончарову, где за рабочим столом, в обычной позе, в халате, с сигарой во рту, за чашкой чая, невозмутимо сидел писатель, совершенно как бы забыв, что они накануне условились с А. Ф. вместе в этот день обедать у знакомых. Предстояло пройти расстояние с версту, а времени, чтоб поспеть к назначенному часу, оставалось мало. А. Ф. напомнил Гончарову и, когда тот удалился за ширму и принял со спокойной медлительностью приводить в должный вид свой туалет, снова стал поторапливать его. Замешкавшийся Гончаров поспешнее стал одеваться, при этом повторяя: “чичас, чичас...” Когда уже вышли на дорогу, А. Ф. обратился к Гончарову: “Иван Александрович! Ведь вот вы говорили, что не читаете Тургенева; между тем слова, произнесенные вами за ширмой, — из рассказа Тургенева «Несчастливая» <sic>. Гончаров, смутившись, отвечал: «Да, видите ли, принесли из лавочки покупки, завернутые в корректуру; я поинтересовался; да, недурно, недурно!»» [Королицкий М. С. А. Ф. Кони: Странички воспоминаний. Л., 1928. С. 13–14]

Весть о † Тургенева. — Из воспоминаний М. С. Королицкого: «Я живо помню рассказ А<натолия> Ф<едоровича> о том, как, находясь вместе с Гончаровым в Дуббельне, в момент смерти Тургенева, он тотчас же вывесил в курзале депешу, уведомляющую об этой потрясшей всех, пришедшей из Буживаля вести, сообщив о ней и Гончарову, при чем тот, всю жизнь, как известно, до болезненности враждовавший с Тургеневым, отве-

тил: “Не верьте: притворяется!”» [*Королицкий М. С. А. Ф. Кони: Странички воспоминаний. Л., 1928. С. 12–13*]. Из воспомина- ний К.И. Чуковского: «Подведя меня к портрету Гончарова, он <Кони> тут же рассказал несколько эпизодов из жизни писате- ля и, между прочим, припомнил, что Иван Александрович, по- лучив известие о смерти Тургенева, которого он, как известно, считал хитрецом, недоверчиво произнес:

— Притворяется!

При этом он даже изобразил Гончарова: губы его мрачно искривились, глаза стали смотреть исподлобья, лицо выразило тя- желую мнительность, но это длилось не больше секунды...» [цит. по: *Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 15–16*].

Предл<ожение> издать свои сочинения. <...> † Тург<енева> дей- ствует успокоительно. — «... В Дуббельне, ссылаясь на трудность приобретения и дороговизну ставшего редкостью “Обломова”, я уговаривал его издать полное собрание своих сочинений. “Такой совет мне мог бы дать, — сказал мне, мрачно потупясь, Гончаров, — лишь недруг: разве вы хотите, чтобы меня стали обвинять в том, что я обокрал Тургенева?!” <...> После смер- ти Тургенева эта болезненная мнительность прошла. Гончаров перестал иносказательно говорить о Тургеневе и в отзывах стал отдавать ему справедливость» [*Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 293*].

№ 15. — Письмо от 30 июня 1886 г.; отчеркнут, в частности, текст: «Вон Вы еще читаете *Фрегат Палладу* — да, это, верно, шутка? А я так не могу даже выносить имени этого сочинителя Гончарова, у которого только одно и хорошо, что он Вас помнит, любит и обижает».

№ 9. — Письмо от 7 сентября 1883 г.; отчеркнут текст: «Да едва ли он <Стасюлевич> будет по причине тургеневской вакханалии <похорон Тургенева — А. Б.>: тут его давно караулит Григорович, чтобы его руками таскать каштаны из печки. О суета! о гадость!».

Мое письмо. — Очевидно, письмо Кони к Гончарову от 8 ноября 1882 г., где тот, в частности, писал: « Я взял с собою “Обломова”. Давно не был он у меня в руках. (Мой экземпляр зачитал какой- то негодник, которого я, впрочем, вполне понимаю.) <...> Я чув- ствую себя способным зачитать книгу Плетневой, ибо купить

Обломова ни за какие деньги нельзя... Нет! Вы должны издать Ваши сочинения. Вы не имеете права лишать молодое поколение Вашей родины возможности наслаждаться этими облагораживающими строками. Вы не можете отнимать у людей, измученных жизнью, возможность забыться над Вашею книгою и освежить свою душу высоким художественным наслаждением. Если бы я был государем (жажду знать подробности Вашего у него пребывания), я бы Вам “высочайше повелел” издать Ваши сочинения — и этот акт самовластия, я уверен, приветствовался бы всеми партиями без различия» [Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 53, 54].

№ 11. — Письмо от 11 ноября 1882 г., помета Кони: «Печатание книг, № 11»; отчеркнут в том числе следующий текст: «Благодарю Вас, любезный и добрый друг, за Ваше искреннее ко мне участие. На Ваш вопрос о Гатчине с радостью могу сказать, что я до сих пор еще нахожусь под обаянием благосклонного приема <у императора Александра III>. К счастью, нас всего было человек пять — и я удостоен был приема наедине и нескольких минут доброго, ласкового разговора. Я вышел совершенно очарованный: мне как будто подвязали крылья. Вы как будто угадали, говоря в письме, что мне надо бы “повелеть” издать мои книги: хотя повеления не было, или если было, то в форме вопроса: “печатаю ли я свои сочинения?” Я конечно поспешил отвечать утвердительно, и даже испросил позволения сам лично представить их, когда они будут готовы. Вследствие этого, неделю тому назад, я подписал контракт, которым уступаю мое авторское право на все сочинения Глазунову, так что Вам нет надобности зачитывать чужой экз<емпляр> Обломова».

Боязнь юбилея. — «Когда возникла мысль о его литературном юбилее, Гончаров пришел в болезненное волнение, убедительно и настойчиво отговаривая всех, кто мог быть прикосновенен к организации этого празднования, оставить всякую мысль об этом, угрожая, в нарушение своего сложившегося житейского обихода, покинуть среди зимы Петербург и уехать, “куда глаза глядят”, оставив юбилейное чествование без виновника торжества. Только после неоднократных попыток и с большим трудом удалось уговорить его принять самый тесный кружок его друзей по “Вестнику Европы”, поднесших ему мраморные столовые часы с бронзовым изображением Марфиньки из “Обрыва” и воздержавшихся, щадя старика, от всяких приветственных речей» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 296].

История завещания <...> деньги С. А. Никитенко. — Рассказ Кони в записи В. А. Ляцкой: «Однажды, лет за столько то до смерти, Иван Александрович обратился ко мне с просьбой помочь ему в составлении духовного завещания. Свое состояние он оставлял семье Трейгульт, выделив из него пять тысяч рублей в пользу С. А. Никитенко. Эти 5000 заключались в бумагах, которые Иван Александрович хотел непременно перечислить, отметив их № № . Я возражал и указывал, что впоследствии это может создать неудобства, т.к. банк, где они были на хранении, мог заменить одни № № другими, и тогда при распределении наследства произойдут недоразумения. Но Гончарова убедить было трудно. Он все хотел сделать по-своему, и даже моя компетентность в составлении завещания вызывала у него сомнения. <...>

Я снова повторял Ивану Александровичу все разъяснения и убеждал его поступить так, как я ему много раз уже говорил: выразить свои желания по существу, а формальную сторону предоставить мне. Но Гончаров начинал качать головой и недоверчиво повторял.

— Да, конечно... вам, Анатолий Федорович, это лучше знать, а только все-таки еще бы расспросить знающий людей... Не произошло бы ничего неожиданного...

Я, наконец, рассердился и махнул рукой: “ну, делайте, как хотите”... И перестал говорить с ним о завещании.

Гончаров сделал все по-своему, перечислил № № бумаг, и когда пришлось реализовать завещание, возник спор именно из-за этих 5.000, так что Софья Александровна отказалась от их получения» [Русская литература. 2012. № 2. С. 102].

Ал<ександра> Ив<ановна> «вдова велик<ого> писателя», — Полотебнов... — М. М. Стасюлевич писал Кони 29 сентября 1891 г.: «Я имел в виду Вас развлечь рассказами о моих скверных похождениях в звании душеприказчика Гончарова. Верно, уже такая моя судьба: при смерти Тургенева мне пришлось иметь дело с тургеневской Виардо, но я никак не ожидал, что придется еще встретить гончаровскую Виардо, и уж, конечно, сортом, да и не одним сортом, а многими — пониже. Эта “Трейгут” устроила при мне при описи имущества такую сцену, что я мог смело утверждать, что я не в квартире покойного Г<ончарова>, а в кабаке! <...> Одним словом, она изображала собою “вдову знаменитого писателя”, а на деле, конечно, была просто свиньей, посаженной за стол. Я, разумеется, плюнул на все это и передал дело <А. Г.> Полотебнову» [И. А. Гончаров в кругу современников. С. 411].

Усть-Нарва. Чтение сочинений. — «Я никогда не слышал его читающим публично или в обществе. Но эти проведенные в Гунгербурге <Усть-Нарве> часы остались навсегда в моей памяти. До тех пор мне случалось (и не раз) присутствовать при его критических или житейских рассуждениях и выносить из них всегда сильное впечатление, присутствуя, так сказать, при самом процессе творческой деятельности его мысли. Он начинал обыкновенно как бы нехотя, отрывисто и с паузами, затем разгорался и, согрев слушателей своим внутренним огнем, умолкал в раздумье. <...> Начав лениво, с оговорками и усталым голосом, Гончаров вскоре оживлялся и начинал оттенять действующих лиц. Легкое волнение начинало окрашивать его старческие щеки, единственный глаз блистал и на нем по временам наворачивались слезы. Это чтение, однако, не было игрою, как у Писемского и Островского, где из-за чтеца быстро проступал актер. Нет! Это был лишь прочувствованный рассказ очевидца, глубоко схоронившего в своей душе живые и говорящие образы тех, кто ему встретился на его жизненном пути. Окончив чтение, Гончаров, очевидно, до нового сеанса расставался с вызванными им из области прошлого фигурами и переходил к злобе дня. Его не тревожили и не волновали больше тени прошлого» [Седьмая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2012. С. 11–12].

№ 2, 3, 4. — Письма под № № 2 и 3 не выявлены; № 4 («4» переправлено из «3») — письмо от 3 июня 1887 г.; отчеркнуты следующие фрагменты: «...я еще премного уповаю на Ваше присутствие ради успешности моих новых литер<атурных> работ. Как бы Вы пришпоривали меня и с каким удовольствием я прочел бы Вам все остальное написанное, пользуясь Вашими верными, дорогими замечаниями и советами! Я кончил все: кроме прочитанного Вам, написано еще листа два печатных. <...> Он <издатель А. Ф. Маркс> просил меня только, а я Вас дружески прошу, *не разглашать заранее*, что я пишу, и особенно, *о чем я пишу*, ибо-де журналы, т.е. газетчики подслушают и заранее разболтают и задолго до напечатания, а это, по многим причинам, неудобно. И я Вас повторительно прошу сохранить это в секрете. <...> У меня на Вас, если Вы приедете туда, еще вот какая надежда: Вы постараетесь защищать меня от знакомых вообще, и старых, и новых — т.е. отклонять их ходить ко мне и стараться “побеседовать” со мной где-нибудь на берегу, в парке, в курхаузе и т.д. Они развлекут и отвлекут меня от дела, не дадут работать. А я и без работы отвык уже от людей — и больше тягочусь “беседой”. Кроме того, с тех пор, как мой катар обратился в хрони-

ческий, мне тяжело говорить, меня потом бьет кашель. Им можно говорить эту причину, не говоря о том, что я пишу, или просто сказать, что я на просторе разбираю свой домашний архив и ищу нет ли там чего, вроде “Университетских воспоминаний”, чтоб они мне не мешали. Я полагаю, что творя молитву “Отче наш”, я буду в конце к “избави меня от лукавого” прибавлять и от “знакового”!»

№ 5, 6. — Письмо № 5 — от 20 августа 1880 г.; отчеркнут текст: «Мне кажется, как будто все сговорилось против меня, даже земля отказывается и носить меня на себе, и принять в свои недра! Зачем, ну зачем Вы лишили себя еще трех драгоценных продуктов тропической табачной флоры! Вам настоящая пора наслаждаться, а мне отречься от чревоугодия!»; письмо № 6 — от 22 июня 1890 г.; отчеркнуты фрагменты: «Очень радуюсь, что в этом городе Вам и Михайле Матвеевичу Стасюлевичу посчастливилось найти удобство, покой и выздоровление, необходимое для восстановления Ваших сил! Вы очень впечатлительны, живы, в Вас гнездятся два существа — писатель-художник и судья, но более писатель!» и «Я ослабел и едва держусь на ногах. Если б не Александра Ив<ановна>, то мне пришлось бы очень плохо. Но беда та, что и она еле ходит или вернее еле бегаёт сверху вниз и обратно! Дети ее подрастают, но пока она еще действует. Свернись она, — я останусь беспомощным сиротой! На родственников плоха надежда: один дурной и болтун <...> другие так себе: кто спился, кто нигилизму предан и все норовят попользоваться от меня».

Последние дни. <...> Боязнь судьбы. — «Я посетил его за два дня до смерти, и, при выражении мною надежды, что он еще поправится, он посмотрел на меня уцелевшим глазом, в котором еще мерцала и вспыхивала жизнь, и сказал твердым голосом: “Нет! Я умру! Сегодня ночью я видел Христа, и он меня простил”...» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 300]. Кони — С. В. Максиму, 23 сентября 1891 г.: «Старик <Гончаров> отошел тихо и с верою. “Что такое смерть? — допрашивал он меня (я бывал у него каждый день). — Как ее объяснить? Мне вот казалось ночью, что ко мне подходили две большие собаки и больно меня кусали — ужели это смерть?” Ему еще хотелось жить (а было 80 лет). “Авось и на этот раз, — говорил он, — меня Господь помилует...” Но после причастия он вполне примирился со смертью. Последнее, что я от него услышал, было: “Я знаю, что умру, ну что ж, пожалуй, я ведь спокоен. Я видел сегодня во сне Христа — он меня простил”...» [И. А. Гончаров в кругу современников. С. 415].

№ 8. — Письмо от 1 февраля 1889 г., написанное после перенесенного удара (рукой А.К. Трейгут); отчеркнут текст: «Надеюсь, что Вы засвидетельствуете мое почтение г. министру финансов Ивану Алексеевичу Вышнеградскому, и вместе с ним, хотя вы только гласный, но Вы, конечно, постараетесь, чтобы сохранить для сирот 4500 р., которые не обогатят казны, но я не смею обременять Государя новыми издержками».

Слова Пушкина. — «Он называл не раз жизнь тяжелым испытанием и часто цитировал по этому поводу слова Пушкина о “мучительных снах”, повторяя: “И всюду страсти роковые, и от судеб спасенья нет”». [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 298]; Кони — М. М. Стасюлевичу, 13 июля 1903 г.: «...он не раз при мне с любовью цитировал слова Пушкина, в “Цыганах”: “но счастья нет и между вами — природы бедные сыны — и под издранными шатрами — живут мучительные сны,— и всюду страсти роковые, и от судеб спасенья нет!”» [ИРЛИ, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 4, л. 11об.]

№ 16 (женщины). — Письмо от 11 июля 1888 г.; помета Кони: «любовь»; начато отчеркивание абзаца: «Впечатлительные нервныя природы нередки у того и другого пола. Я заговорил об этом потому, что Вы мне в этом же приснопамятном 1880-м году рассказали одну свою подобную драму, выражаясь так, что она (женщина) разнесла или “поразила всю Вашу жизнь жестоким ударом...” и т.д.»

Взгляд на деятельность. № 17. — Письмо от 25 апреля 1888 г.; отчеркнуты фрагменты: «Все это мимолетное, навеянное данным моментом чувство. Моряк (все моряки скажут это) после бурного, долгого и опасного плаванья, с радостным чувством приветствует берег, счастливый, что под ногами у него твердая почва, упивается запахом и видом зелени, весело гуляет в толпе... А через несколько дней этого берегового “отдыха”, он задумывается, скучает, грустит — его тянет на волны, он смотрит на морскую даль и — возвращается опять бороться, преодолевать ветры и бури, открывать и изучать новое и т.д. “Житейское море волнами обуреваются”... везде, и в провинции тоже, только тут Вы испытывали бы бури — в стакане воды, а терпели бы от них так же, как в океане! Да, непременно так: жизнь везде — жизнь. Достойно ли Вас — с Вашими силами, плавать в стакане воды! Я нет-нет, да и загляну в Вашу книгу (дорогой подарок!) и всякий раз что-нибудь извлеку из нее, поучусь чему-нибудь!»

и «Петербург — арена, школа, омут интересов и страстей, где только и могут разрабатываться и закаливаться великие силы ума и дарований! Не ропщите же, ибо жить только *в себе самом* нельзя и не должно, “кому много дано”, и *для себя лишь жить* — тоже не годится, Вы это знаете лучше меня. Я замечал на своем веку, что те, которые избирали себе эту, мнимо “благую часть” — жить в себе и лишь для себя — рано или поздно выводимы были судьбою насильственно из мешка, в который зашивались; швы лопались и волей-неволей приходилось работать за других и на других».

Рассказы из «Фрег<ата> «Паллады»». — «Особенно помнится мне его рассказ о наших матросиках, которые покатывались со смеху, указывая пальцами на голые колена двух неподвижно стоявших у одного из лондонских дворцов часовых в шотландском костюме, красных от гнева, но покорных дисциплине. “Что вы тут делаете? — спросил их Гончаров. — Чему смеетесь?” — «Да ты посмотри, ваше благородие, королева-то им штанов не дала!» Или другой рассказ о том, как в окрестностях Капштадта, подойдя к кучке матросов, что-то любопытно разглядывавших, он увидел на ладони одного из них огромного скорпиона, тщетно силившегося пробить ядовитым хвостом толстый сплошной мозоль на руке, привыкшей лазить по вантам. “Что ты? Брось, брось! — воскликнул Гончаров. — Он тебя до смерти укусит!” — “Укусит? — недоверчиво спросил матрос, презрительно скосив глаза на скорпиона. — Этакая-то сволочь?! Тьфу!” И он бросил скорпиона на землю, раздавив его необутой для прохлады ногой. Был между этими рассказами один, который, кажется, не оставил следа в истории Крымской войны по скромности и сдержанности участников. Когда в далеком Японском море адмиралом Путятиным было получено на “Палладе” известие об объявленной России Францией и Англией войне, он позвал к себе в каюту Посьета (командира фрегата) и, сколько мне помнится, Лесовского (старшего офицера) и, в присутствии Гончарова, связав их обязательством хранить тайну, объявил им, что, зная о невозможности для парусного фрегата успешно сразиться с винтовыми железными кораблями неприятеля или уйти от последнего, он решил сцепиться с ним вплотную и взорваться...» [Кони А. Ф. Иван Александрович Гончаров // Собр. соч. Т. 6. С. 297].

Закат солнца... — Кони — Е. П. Летковой-Султановой, 11 июня 1898 г.: «Вот так же медленно и тихо догорю и я», — говаривал он

<Гончаров> мне, указывая на садившееся в далекое море багровое солнце...» [Русская литература. 1969. № 1. С. 170].

...воспоминание о Пушкине.— «Вот как описывал мне в 1880 году, в одну из долгих вечерних прогулок по морскому берегу в Дуббельне, впечатление, произведенное на него смертью Пушкина, покойный Иван Александрович Гончаров: “Пушкина я увидел впервые в Москве, в церкви Никитского монастыря. Я только что начинал читать его — и смотрел на него более с любопытством, чем с другим чувством. Через несколько лет, живя в Петербурге, я встретил его у Смирдина, книгопродавца. Он говорил с ним серьезно, не улыбаясь, с деловым видом. Лицо его — матовое, суженное книзу, с русыми бакенами и обильными кудрями волос — врезалось в мою память и доказало мне впоследствии, как верно изобразил его Кипренский на известном портрете. Пушкин был в это время для молодежи все. Все ее упования, сокровенные чувства, честнейшие побуждения, все гармонические струны души, вся поэзия мыслей и ощущений — все сводилось к нему, все исходило от него... Я помню известие о его кончине. Я был маленьким чиновником, “переводчиком” при министерстве финансов. Работы было немного — и я для себя, без всяких целей, писал, сочинял, переводил, изучал поэтов и эстетиков. Особенно меня интересовал Винкельман. Но над всем господствовал он. В моей скромной небольшой комнате, на полочке, на первом месте, стояли его сочинения, где все было изучено, где всякая строка была прочувствована, продумана... И вдруг пришли и сказали, что он убит, что его более нет... Это было в департаменте. Я вышел из канцелярии в коридор — и горько, не владея собой, отвернувшись к стене и закрывая лицо руками, заплакал. Тоска ножом резала сердце — и слезы лились в то время, когда все еще не хотелось верить, что его уж нет, что Пушкина нет! Я не мог понять, чтобы тот, пред кем я склонял мысленно колена, лежал бездыханным... И я плакал горько и неутешно, как плачут по получении известия о смерти любимой женщины... Нет, это не верно, — о смерти матери, — да, матери. Через три дня появился портрет Пушкина с подписью: “Погас огонь на алтаре...”, но цензура и полиция поспешили его запретить и уничтожить...”» [Кони А. Ф. Нравственный облик Пушкина // Собр. соч. Т. 6. С. 57–58].

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
Петербургский институт иудаики

**ДЕСЯТАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2014